

Краткое содержание:

Когда Наташа пытается спрятаться в Норвегии, на нее нападает человек в черном. Во время схватки с нее снимают шлем, и Наташа испытывает шок, узнав в нападавшем брошенного мальчика, с которым она подружилась в Огайо.

Огайо

11-летняя Наташа Романофф осторожно подошла к мальчику на заднем дворе, одна рука сжата в кулак на всякий случай, а другая держит зонтик над головой. Он выглядел примерно ее ровесником и, казалось, представлял угрозу не больше, чем обычный 10-11-летний подросток, но ее учили, как выглядеть неугрожающим. Если он из такой же среды, она будет готова.

Он поднял голову, услышав ее приближение, и она немного расслабилась, увидев выражение его лица. Он был слишком явно напуган, чтобы представлять для нее какую-либо угрозу. Его черные волосы были мокрыми и прилипли ко лбу от проливного дождя, и она даже не знала, как он мог видеть через очки, которые были залиты водой. Он выглядел как мокрое, промокшее месиво.

"Как тебя зовут?" - спросила она.

"Гарри", - тихо сказал он. "Я Гарри".

"Почему ты на нашем заднем дворе, Гарри?" Она еще не была готова представиться, пока не узнала, кто он такой и представляет ли он угрозу для жизни, которую она нашла здесь, в Огайо.

"Потому что мне больше некуда идти", - сказал он, глядя в сторону. "Дерево дало мне немного укрытия от дождя".

Судя по всему, недостаточно. Наташа покачала головой. "Разве твои родители не ищут тебя?"

"Мои родители умерли, когда я был совсем маленьким", - ответил он. "Я их совсем не помню".

"Тогда с кем ты обычно живешь?" Его акцент показался ей британским. Может быть, его оставшаяся семья была новой в этом районе, и он заблудился?

"Я приехал сюда на каникулы с тетей и дядей", - пробормотал он. "Они оставили меня здесь".

"Вы разлучились с ними?"

"Нет". Он слегка покачал головой. "Они оставили меня. Я искал, куда бы пойти, а потом

начался дождь, и я спрятался здесь".

Он поднял глаза, когда она присела и взяла зонтик так, что он накрыл их обоих с головой. "Привет, Гарри. Я Наташа. Моих родителей сейчас нет, но я могу отвести тебя в дом и принести что-нибудь, чтобы ты высох."

--

Так началась дружба между Наташей и Гарри. Ему действительно некуда было идти; его тетя и дядя намеренно оставили его, выбросили как мусор, когда возвращались в Англию, и ему некуда было возвращаться. Он умолял ее не рассказывать о нем никому из взрослых и всегда исчезал, казалось, мгновенно, как только появлялись Алексей, Мелина или другие взрослые. Она не знала, где он живет, или он переезжает, чтобы его не поймали, но, несмотря ни на что, он всегда возвращался, чтобы поиграть с ней и Еленой.

Он был странным мальчиком, Гарри Поттер. Но он нравился Наташе, и Елене тоже. Наташа была бы рада, если бы жизнь продолжалась так же, как в Огайо: она жила бы как семья с Еленой, Алексеем и Мелиной и играла с Гарри во дворе, когда взрослых не было дома.

Но мир устроен иначе. Каждая миссия имела свое завершение, и каждое прикрытие в конце концов было раскрыто.

--

Куба

Наташа прикрывала Елену и вызывающе смотрела на окруживших ее мужчин. Они могут взять ее, но она никогда не позволит им добраться до Елены! Даже если бы ей пришлось отбиваться от них в одиночку, она бы защитила свою сестру.

Но ей не пришлось бороться с ними в одиночку. Так же, как Гарри всегда исчезал непонятно как, когда рядом оказывался взрослый, теперь он появился из ниоткуда прямо перед ней. Его внезапное появление было еще более невероятным, поскольку она и ее семья убежали от преследователей и сейчас находились на Кубе, а не в Огайо, но она не задавалась вопросом, откуда он знает, где они находятся, и как он туда попал. Важно было лишь то, что у нее есть союзник.

Этот союзник оказался гораздо полезнее, чем она могла себе представить. Она знала, что Гарри не проходил такого обучения, как она, и, если не считать его печальных жизненных обстоятельств, он казался довольно обычным. Но в том, как он повалил на землю двух мужчин, окружавших ее, не было ничего обычного. Она понятия не имела, как он это сделал; в его руках не было оружия, которое она могла бы увидеть, и он не был достаточно близко, чтобы нанести физический удар кому-либо из них. Как он это сделал?

Несмотря ни на что, их было слишком много. Они не могли защитить себя от наркотиков, которые передавались по воздуху и лишали их сознания.

--

"Кто этот мальчик?" спросил Дрейков.

"Не знаю", -- сказал Алексей, нахмурившись. "Никогда в жизни его не видел".

"Тогда, похоже, вы не уделяли ему достаточно внимания, потому что он определенно знает девушек", - сказал Дрейков, покачивая головой, продолжая наблюдать издалека. Он наблюдал через монитор, как молодая тройка просыпается в металлическом контейнере, в который их поместили после приема наркотиков. Этот мальчик каким-то образом пробрался внутрь, не замеченный ни одним из их людей, и столь же необычным образом ему удалось сбить с ног двоих из них. Дрейков до сих пор не знал, как ему это удалось, и все это время наблюдал за происходящим. Возможно, Алексей не знает, кто он такой, но Дрейков был уверен, что только что наткнулся на очень полезного потенциального агента.

Когда трое детей проснулись, мальчик тут же принялся защищать девочек. Они попытались бежать, как только его люди открыли дверь в контейнер, а когда мужчины попытались разделить девочек, он бросился их защищать. Дрейков внимательно наблюдал за происходящим, с любопытством ожидая, удастся ли ему чудом отбиться от них.

Но нет. Он был мальчиком не старше одиннадцати-двенадцати лет, без оружия и какой-либо заметной подготовки, а ему противостояли несколько взрослых мужчин, обученных убивать. Что бы он ни сделал, чтобы удивить и сбить с ног двух своих агентов ранее, на этот раз ему не удалось повторить такой подвиг. Они схватили его, но, согласно его инструкциям, мальчику не было причинено никакого вреда.

Кем бы он ни был и как бы он ни сделал то, что сделал, Дрейков чувствовал, что он будет ему очень полезен. Возможно, не только девочки были естественным ресурсом, который можно было использовать для достижения его целей.

--

Годы спустя

Норвегия

Поскольку Мейсон проделал такую дерьмовую работу по подготовке трейлера, Наташа была вынуждена почти сразу же отправиться за бензином. Потом ей придется отстегивать ему за это, особенно если он попытается сделать вид, что его не ценят или недоплачивают.

Без предупреждения в ее грузовик врезалась ракета, едва не сбив его с моста. Обычный человек после этого был бы дезориентирован и выведен из строя; он стал бы легкой добычей для того, кто на него напал. Наташа, конечно, не была обычным человеком. Она сомневалась, что за обычным человеком послали бы кого-то с такой огневой мощью.

Она выскочила из грузовика, проклиная себя за то, что думала, что здесь, в Норвегии, ей не грозит опасность. Неужели Росс действительно следовал за ней всю дорогу сюда, и неужели он действительно прибег к подобным мерам, чтобы поймать беглого Мстителя? Или это был кто-то другой? Кто бы ни преследовал ее, Росс или кто-то другой, желающий ее смерти, она знала, что ей предстоит схватка.

Когда она выбралась из развалин грузовика и попыталась найти выход, путь ей преградила очень угрожающая фигура. Она ничего не могла разглядеть, но он был одет с ног до головы в черный костюм. Верхняя часть тела и руки были защищены броней, но ноги выглядели, по крайней мере, менее защищенными. Это может быть идеальной мишенью.

"Тебя послал Росс?" - спросила она, когда фигура медленно приблизилась к ней. "Я уверена, что он не имеет здесь юрисдикции".

Фигура в черной одежде ничего не сказала, а из-за черного шлема и визора, который был на них надет, она не надеялась понять, о чем они думают, кто они и кто мог их послать. Неважно; они здесь для того, чтобы сражаться, а не разговаривать. Она достала пистолет, прицелилась и выстрелила. Но нападавшие были готовы к этому. Они вытащили то, что выглядело как копия щита Стива, и ловко блокировали ее выстрелы. Вот и все.

Они не достали свои пистолеты, что привело ее в замешательство. Однако они медленно приближались к ней, так что, так или иначе, ей предстояла драка. Она убрала пистолет и приготовилась к рукопашной, в которой, к счастью, она преуспела.

Но, как оказалось, и ее противник тоже. Каждый удар, каждый пинок, каждый удар и каждый бросок, которые она пыталась нанести, ловко отбивались, и Наташа только и могла, что защищаться и не дать себя повалить. Она не привыкла сражаться с кем-либо, кто мог бы сравниться с ней в такой манере, и это было упражнением в разочаровании. Что касается рукопашного боя, то это был один из самых тяжелых боев в ее жизни. У нее не было снаряжения, чтобы справиться с этим, и ее разочарование росло по мере того, как они продолжали сражаться в тупике. Как она могла свалить этого засранца с ног, а тем более подчинить его себе?!

Действие изменилось, когда нападавший, перекинув ее через плечо и отправив в полет вещи, которые она взяла с собой из грузовика, вдруг отвернулся. Она смотрела в замешательстве, но ее глаза сузились, когда она заметила, как фигура в черной одежде направилась прямо к пакету, который ей прислала ее "сестра" Елена.

"Ты здесь не для меня", - пробормотала она. Это означало, что кто бы их ни послал, это почти наверняка был не Росс.

Наташа вполне могла успеть убежать за то время, пока нападавший хватал пакет. Вполне возможно, что они даже не стали бы преследовать ее сейчас, если бы получили то, за чем, очевидно, пришли сюда. Но мысль о том, чтобы повернуть хвост и бежать сейчас, не нравилась ей. Что бы ни было в этом пакете, она не хотела, чтобы это попало в руки того, кто послал за ними этого высококвалифицированного убийцу. Кроме того, им еще предстояло закончить бой.

Напасть на противника сзади и выбить у него ноги из-под ног, пока он повернут спиной, было не совсем почетной тактикой, и она могла представить, как Стив Роджерс разочарованно посмотрит на нее, если увидит, что она прибегает к такому способу. Но ей было плевать на честь и доблесть. Наташа была обученным убийцей, а не солдатом или героем. Ее работа заключалась в том, чтобы уничтожить противника, и она использовала для этого любые методы.

Она не чувствовала никакой вины за то, что нанесла хорошо поставленный удар ногой, от которого ничего не подозревающий нападавший рухнул лицом вперед на землю. То ли удар был идеальным, то ли шлем ее противника уже частично слетел с головы во время их поединка, но в любом случае в итоге шлем оказался на свободе.

Нападавшего, похоже, это не волновало, потому что он не сделал ни одной попытки схватить шлем, чтобы надеть его обратно на голову. Они быстро поднялись на ноги, и, стоя спиной к ним, она могла видеть только бледную кожу и короткие, беспорядочные черные волосы. Они, казалось, не двигались медленнее, так что она не причинила им особого вреда. Однако ей удалось доказать, что она представляет угрозу, и привлечь их внимание, так что борьба возобновилась. Они снова повернулись лицом к Наташе.

Когда она впервые увидела лицо того, с кем сражалась, того, кто сбил ракетой ее грузовик и агрессивно боролся, чтобы заполучить пакет, ее ноги чуть не подкосились от шока. Прошло более десяти лет с тех пор, как она его видела, но она узнала бы это лицо где угодно. На лбу у него был шрам в виде молнии, как она и помнила, но больше всего выделялись изумрудно-зеленые глаза.

"Гарри?" - прошептала она, с трудом веря в это. Она была уверена, что Гарри мертв, но он стоял прямо перед ней. Гарри был жив... жив, и шел к ней со смертельным намерением.

Он совершенно не отреагировал, когда она произнесла его имя, и на его лице не было и намека на узнавание, когда он шел к ней, чтобы возобновить их бой. Эти зеленые глаза выглядели безжизненными, мертвыми и неправильными. Она видела, как эти глаза наполнялись разными эмоциями во время их дружбы, которая была недолгой, но все же такой важной и ценной в слишком коротком детстве Наташи. Она видела его счастливым, грустным, нервным, стыдливым, любопытным, одиноким. Она даже видела, как он пытался скрыть от нее свои чувства, но у него никогда не получалось. Она всегда могла прочесть его глаза и понять, что он чувствует, даже если он не говорил ей конкретно, что его беспокоит. Но сейчас его лицо было маской, и она ненавидела это. У него были глаза безжизненной куклы, обученного убийцы, и это было неправильно. Гарри, милый, невинный Гарри, не должен так выглядеть.

Хотела ли она, чтобы он нападал на нее, или нет, но реальность была такова, что он шел за

ней. Она должна была бороться и бороться изо всех сил, если не хотела, чтобы он быстро расправился с ней; она едва могла держаться на ногах, когда в ее голове не было никаких конфликтов. Она снова боролась с ним, но если раньше ее глаза постоянно искали возможность воспользоваться ситуацией, то теперь она не могла отвести взгляд от его глаз. Она все ждала искры узнавания, или признака жизни, если не больше, но лицо Гарри оставалось маской.

Хотя это, очевидно, доставило ей много личных страданий, одна из практических выгод от того, что с него сорвали шлем, заключалась в том, что это дало ей четкую цель. Поразить его сквозь доспехи было настоящим испытанием, но теперь у нее было что-то совершенно незащищенное, на чем она могла сосредоточиться. Она не хотела причинять ему боль, но было совершенно ясно, что ей придется прибегнуть к чему-то радикальному, чтобы заставить своего друга детства выйти из... чего бы это ни было.

Она притворилась, нанеся удар ногой в ноги, и, вероятно, вспомнив, как она ударила его по лицу, он приготовился защищаться. Но как только она заставила его посмотреть вниз, она ушла со своих ног, обхватила его шею ногами, как ножницами, и повалила его на землю. Он тут же начал бороться, но прежде чем он смог подняться, она обхватила его тело, схватила его запястья и прижала их к земле. Она прижалась к нему нижней частью тела, сопротивляясь его попыткам сдвинуть ноги и оттолкнуть ее.

"Гарри, что с тобой случилось?" - спросила она его, но он рычал и продолжал бороться под ней. "Гарри, поговори со мной. Это я, Наташа. Разве ты не помнишь меня? Я знаю, что сейчас я выгляжу по-другому, но ты должен меня помнить. Разве ты не помнишь те времена, когда мы вместе играли в Огайо?".

Гарри все еще не узнавал ее и продолжал пытаться освободиться. Ей потребовались все ее силы и все ее внимание, чтобы удержать его на месте, так как он изо всех сил старался, но она не сдавалась. Она хотела вернуть своего друга или, по крайней мере, хотела, чтобы он перестал смотреть на нее такими холодными и мертвыми глазами. Но она не могла придумать, как ей прорваться к нему. Она не видела его более десяти лет. До сих пор она думала, что он, должно быть, умер. Она понятия не имела, чем он занимался и как стал таким, и как она могла надеяться прорваться к нему?

Нежданно-негаданно в ней вспыхнуло воспоминание о том, как он отреагировал, когда она впервые поцеловала его. Это ничего не значило, на самом деле; она не была влюблена в него или что-то в этом роде. Это был просто невинный поцелуй любопытного ребенка, который хотел узнать, каково это, и она импульсивно решила попробовать это со своим единственным другом, который был мальчиком (и вообще единственным другом, если не считать Елену).

После этого они пробовали целоваться еще несколько раз, но только когда Елены не было рядом, потому что Наташа была уверена, что та начнет ревновать и требовать от Гарри своих поцелуев, чтобы не остаться вне игры. Гарри становился все более расслабленным, когда они продолжали практиковаться в поцелуях, но, глядя на него сейчас, Наташа отчетливо помнила, как дернулось его тело, и он в полном шоке уставился на нее, когда ее губы впервые коснулись его губ. Возможно, такой же толчок сможет вывести взрослого Гарри из того состояния, в котором он находился. Она была в отчаянии и готова была попробовать практически все.

Она наклонила голову и впервые за десять лет прильнула губами к его губам. Очевидно, что сейчас она знала о поцелуях гораздо больше, чем тогда, и ее губы прижались к его губам без той неловкости, которая была у них в детстве. Она не отводила глаз от его губ, потому что хотела проследить за тем, как изменится его лицо, как бы маловероятно это ни казалось.

Но, к ее удивлению, это действительно сработало. Впервые за весь вечер в его глазах появилась жизнь, они расширились, совсем как в первый раз, когда она делала это. Она оторвалась от его губ, намереваясь задать ему вопросы, на которые не смогла получить ответ раньше. Но прежде чем она успела что-то сказать, Гарри впервые заговорил.

"Наташа", - прошептал он. Услышав, как он произнес ее имя, она задохнулась и, не думая об этом, ослабила хватку на его запястьях и перестала активно прижиматься к его нижней части тела. Это было большой ошибкой, потому что в следующее мгновение глаза Гарри сузились, и он отбросил ее тело от себя.

Жизнь вернулась в глаза Гарри, но он все еще не был тем мальчиком, которого она знала. Теперь на его лице было узнавание, были эмоции, но это были не те эмоции, которые она привыкла видеть от него. Он выглядел разъяренным, и в его кулаках чувствовался неподдельный гнев, а не холодная точность, которую он демонстрировал до того, как потерял шлем.

"Гарри, это я", - сказала она, пытаясь использовать слова для общения, даже защищаясь от его ударов. "Это Наташа".

"Да, я знаю, кто ты, Наташа", - прошипел он. Ей было неприятно слышать, как ее имя произносится из его уст с таким ядом. Он был приятным воспоминанием о невинном времени в ее жизни, до того, как она стала Черной вдовой и заполнила свою бухгалтерскую книгу большим количеством красных, чем она когда-либо сможет возместить. Но теперь, очевидно, даже это было запятнано.

Она схватила его за запястье, чтобы притянуть к себе, но вместо того, чтобы сделать бросок, как он ожидал, она наклонила голову, чтобы снова поцеловать его в губы. Она надеялась, что раз первый поцелуй разбудил его, то второй может его немного успокоить. Его глаза расширились, когда их губы встретились, но он быстро ударил ее коленом в ребра. Из нее выбило дух, и он отпрыгнул назад, чтобы вытереть губы тыльной стороной ладони. Этот жест обеспокоил ее больше, чем следовало.

"Я твой друг", - попыталась она, используя руку, чтобы заблокировать гневный правый крест, направленный ей в висок.

"Я так и думал", - сказал он. Он поднял ногу, чтобы защититься от удара, направленного в его середину. "Но потом ты исчезла. Я провел все это время в Красной комнате в поисках тебя, пытаюсь узнать, куда ты ушла, чтобы помочь тебе".

"Ты искал меня?" - спросила она, чувствуя, как ее желудок скрутило.

"Конечно!" - сказал он. "Как я уже сказал, ты была моим другом!" Его глаза сузились. "Или я так думал". Он внезапно набросился на нее, нанося серию ударов, от которых ей пришлось защищаться. Она не была уверена, что когда-нибудь кто-нибудь нападал на нее с такой яростью и решимостью. Он добавил удар ногой, к которому она не была готова, и он попал ей в живот, заставив ее перевернуться на спину. Он схватил ее за волосы и дернул голову назад, она задышалась и хрипела.

"Но потом я узнал, что тебе не нужна была моя помощь", - шипел он. Наташа задохнулась не только от боли в ребрах, но и от рычания на его лице, когда он посмотрел прямо ей в глаза. "Все то время, которое я потратил на твои поиски и беспокойство о тебе, было напрасным, потому что ты дезертировала. Ты бросил нас. Ты оставил меня гнить! Ты хоть представляешь, как больно от твоего предательства?!"

Наташа смотрела в его глаза и видела не только злость и ярость на то, что он воспринимал как ее предательство по отношению к нему, но и одиночество. Возможно, Красная комната и превратила его в убийцу, но он по-прежнему оставался маленьким мальчиком, которого бросили единственные оставшиеся родственники на другом конце света, и ему больше не к кому было обратиться. Хотя она не жалела о своем решении дезертировать, даже на мгновение, она жалела о той боли, которую, очевидно, причинила ему, когда он узнал об этом. Он почувствовал, что его снова бросили, причем человек, который держал зонтик над его головой, чтобы укрыть его от дождя, когда он был в самом тяжелом положении. Она не могла представить, как это больно.

Наташа ничего не могла сделать, чтобы загладить эту боль; она не могла повернуть время вспять, стереть ее или что-то в этом роде. Но что она могла сделать, так это попытаться смягчить боль в настоящем и показать ему, что даже если она дезертировала и присоединилась к Мстителям, даже если она отвернулась от Красной комнаты, она никогда намеренно не отвернулась и не бросила его.

Она попыталась сделать это единственным известным ей способом - снова прильнуть губами к его губам. Гарри зарычал в ответ на поцелуй, но на этот раз он не отстранился так быстро. На мгновение он поцеловал ее в ответ, его губы двигались так же агрессивно, как и ее, и они вместе застонали.

Это быстро прошло, и он схватил ее и попытался повалить на землю, пока она не вывернулась из его хватки. Борьба возобновилась, но теперь все было по-другому. Она с готовностью подставила себя под удар ногой в бок, чтобы подойти достаточно близко, чтобы снова поцеловать его, и на этот раз ему понадобилось еще больше времени, чтобы вырваться.

"Я никогда не забывала тебя, знаешь ли", - сказала она однажды, ошеломив его ударом по голове, когда он попытался заключить ее в медвежьи объятия. "Я никогда не хотела бросать тебя, Гарри".

"Лжец!" - огрызнулся он, снова бросаясь в атаку.

"Это не ложь", - сказала она, стоя на своем. "Я даже не знала, что ты еще жив". Он снова бросился в атаку, и на этот раз ему удалось обхватить ее тело. Она воспользовалась их близостью, чтобы снова поцеловать его, и он долго целовал ее в ответ, прежде чем оттолкнуть губы и прижать ее к себе еще крепче. Он поднял ее и эффектно прижал к земле, выбив из нее дух, когда ее тело ударилось о землю, а вес его тела приземлился на нее.

Она не позволила боли от отсутствия дыхания остановить ее. Она прижалась к нему и снова поцеловала его, с силой впиваясь в его губы, прежде чем он снова откинул голову назад. В его глазах был дикий, опасный взгляд, но вместо того, чтобы попытаться ударить ее, он схватил ее рубашку и разорвал ее как бумагу, затем схватил ее лифчик и дернул его вниз, разорвав его и обнажив ее грудь. Наташа вздохнула, почувствовав, как он изменился. Он выглядел не менее злым и готовым к бою, но его энергия теперь была направлена в другое русло. Ее поцелуи не успокоили его, а наоборот, вызвали какую-то маниакальную похоть.

Она не то чтобы не могла этого понять; ей казалось, что ее трусики никогда раньше не были такими мокрыми. Адреналин от схватки, эмоции, которые она испытывала, и сырая агрессия, которая исходила от него, заставили ее почувствовать огромное желание отдаться этому безумию. Именно поэтому она не попыталась воспользоваться его увлечением и сбить его с себя, и не помешала ему разорвать штаны посередине, чтобы добраться до ее промежности. Она даже помогла ему, протянув руку в огромную дыру, которую он только что создал, и вытащив ее трусики, облегчив ему путь туда, куда он, очевидно, хотел попасть.

Она начала действовать, стараясь убрать с дороги его ремень и стянуть брюки его костюма, прежде чем он успел обратить на нее свое внимание. Когда он снял трусы, у нее было всего лишь мгновение, чтобы оценить вид чертовски красивого члена, прежде чем он оказался у ее входа. Без всякого предупреждения Гарри вогнал в нее этот член, доказав, что беглый взгляд не обманул ее относительно его размеров.

Хотя у нее давно не было секса, она не была девственницей. Но она никогда раньше не испытывала ничего подобного. Не считая того, что он был самым большим в ее жизни, никто никогда не входил в нее с такой жестокостью. Никто еще не заботился о ее комфорте настолько, чтобы просто вот так в нее войти. И проникновение было только началом.

Когда он начал входить в нее, Наташа была поражена тем, какую неистовую потребность она в нем ощущала. Это был не тот милый, застенчивый мальчик, с которым она познакомилась, когда была еще девочкой. Сейчас она даже не была уверена, что может назвать его мужчиной, потому что то, как он трахал ее, больше походило на инстинкты животного, стремящегося доминировать над своим товарищем. Каждый толчок этого большого члена внутри нее был призван доказать его превосходство над ней, трахнуть ее так, как ее еще никогда не трахали, и сделать так, чтобы ее тело никогда не забыло его прикосновений.

Другая женщина на ее месте, возможно, замялась бы перед лицом такой агрессии и просто позволила бы использовать свое тело, но только не Наташа. Она ответила на его агрессию равным количеством своей собственной, показывая ему, что она была активным участником всего этого, даже если он был единственным, кто трахал. Она била его по груди и царапала когтями по спине так сильно, что наверняка оставила царапины в дополнение ко всем ударам и синякам, которые они набили друг другу во время драки.

"Черт, это все, что у тебя есть?!" - огрызнулась она. "Я думала, Поттер, что ты способен трахаться сильнее, чем сейчас!"

Он посмотрел на нее. "Пошла ты, Наташа. Я тебе покажу". Он наклонил голову и укусил ее за шею, а его бедра задвигались быстрее, каким-то образом найдя еще более высокую передачу, когда он делал все возможное, чтобы трахнуть ее до покорности. И Наташа приветствовала это. Она шлепала, царапала и боролась с ним, она проклинала его имя, пока он трахал ее прямо на земле, словно они оба были парой бездумных зверей.

Они трахались так же, как и дрались, и это было ошеломляюще. Наташа всегда предпочитала более активный и физически напряженный секс, нежели медленные занятия любовью, но то, чем они с другом детства занимались сейчас, делало даже самый агрессивный секс, который у нее когда-либо был, примерно таким же примитивным, как держание за руки и поцелуй в щеку. Ей нравилось трахаться, но она даже не знала, можно ли считать это просто траханьем. Ей казалось, что для того, чем они с Гарри сейчас занимались, должен быть какой-то другой термин, потому что если то, как бедра Гарри бешено бились о ее тело и его член проникал в нее так глубоко, как только мог, было просто трахом, то она все это время делала неправильно. Она царапалась, пинаясь, ругалась, кусалась и чувствовала, как все ее тело оживает, как никогда раньше.

То, как он трахал ее, говорило о ее низменных желаниях, которые она не могла сформулировать или даже понять, но ее тело знало, что жаждет этих непрекращающихся ударов, и что-то глубоко внутри нее понимало, что нет никого другого, кто мог бы дать ей это, кроме ее давно потерянного друга. Разве может быть кто-то еще на планете или даже в галактике, кто мог бы сравниться с Наташиной агрессией - удар за ударом, проклятие за проклятием и укусы за укусом?

Наташа чувствовала приближение оргазма, но его интенсивность все еще обжигала ее мозг, когда он наступил. От кульминации ее конечности затряслись, а из горла вырвался первобытный крик. Она никогда не знала, что что-то может быть настолько сильным. Но учитывая то, насколько диким был секс и как сильно он ее привлекал, было вполне логично, что и оргазм в результате будет отличаться от всего, что она когда-либо испытывала раньше.

Гарри, конечно, не остановился только потому, что она кончила. Он продолжал насаживаться на нее и вгонять свой член до упора с той же бешеной скоростью, что и раньше. Ему было наплевать на нее и ее удовольствие; он был здесь, чтобы использовать ее тело для своего удовлетворения и трахать ее так, словно ему было что доказывать, и это не прекратилось только потому, что она кончила.

Она не хотела, чтобы было иначе. Драка и эмоциональное воссоединение с ее старым другом вывели ее из себя, и бешеные движения его большого члена взад и вперед были именно той разрядкой, в которой она нуждалась. Она ругалась и царапалась, поощряя его продолжать долбить ее, как будто он нуждался в поощрении. Он продолжал вгонять свой член в ее киску с тем же отчаянием, которое заставляло ее груди подпрыгивать, выбивало из нее дыхание и угрожало вытеснить из ее головы всякое подобие рационального мышления. Чем дольше он продолжал трахать ее как животное, тем больше Наташа начинала чувствовать себя им, и тем меньше это ее беспокоило.

Он сильно сжал ее обнаженные груди, когда второй оргазм прорвался через нее, заставив ее закричать до хрипоты, когда удовольствие, не менее сильное, чем первое, потрясло ее тело. Это, конечно, не остановило его. Он сжал ее сиськи сильнее и продолжал вколачивать в нее свой член вплоть до второго оргазма и не останавливался. Наташа не могла эффективно ругаться, так как в горле у нее саднило, поэтому она просто смотрела на него с вызовом, как бы приглашая его остановиться и посмотреть, что произойдет. Он, конечно же, не остановился. Гарри не собирался прекращать вгонять свой член в ее пизду, пока не насытится ею, и Наташа не хотела, чтобы было иначе.

Он проникал в нее глубже, чем кто-либо другой, и она не переставала кончать. Черт, она практически не переставала кончать! У нее помутилось зрение, и она сбилась со счета, сколько раз она кончала, пока он прижимал ее к земле и трахал так, словно она принадлежала ему. Невозможно было сказать, где кончается один пик и начинается другой, но толчки продолжались все так же сильно.

Ее тело должно было протестовать против такого обращения. Она должна была так изнывать, так уставать и испытывать такую боль, что не могла найти никакого удовольствия в постоянных ударах бедер Гарри о ее бедра. Она должна была молиться, чтобы эти непрекращающиеся грубые толчки закончились, но вместо этого она никогда не хотела, чтобы они прекращались. Завтра она почувствует все это в своих мышцах, точно так же, как она почувствует боли и боли от борьбы, которая предшествовала этому взрыву похоти. Но здесь и сейчас Наташа жила ради ощущения того, как первый мальчик, которого она когда-либо целовала, прижал ее к земле и трахал так сильно, что все остальное не имело значения. Росс, раскол Мстителей, пакет, который прислала Елена и который, очевидно, был причиной всего этого, и даже загадка поведения Гарри не имели значения. Только ради этого она затаила дыхание и впила ногтями в его спину и прикусила мочку уха, чтобы показать ему, что она никогда не хотела, чтобы это изменилось.

В конце концов, это, конечно, должно было произойти. О его сверхъестественной выносливости говорило то, что Гарри смог трахать ее так сильно и так долго, даже после физически изнурительной борьбы, которая предшествовала разрыву одежды. То, что Гарри смог продолжать это достаточно долго, чтобы заставить ее тело содрогаться, а ее киску сжиматься вокруг его члена слишком часто, чтобы ее одурманенный еблей мозг мог уследить за этим, было просто чудесно. Но он все еще был человеком, и даже у него был переломный момент.

Даже в тот момент, когда он потерял контроль над собой, Гарри все равно нашел способ впечатлить ее и оставить такой след, какого не оставлял никто другой. Он вошел в нее глубже, чем когда-либо прежде; настолько глубоко, что она почувствовала, как его сперма попала прямо в отверстие ее лона. И она продолжала прибывать, вырываясь из него бесконечным потоком, которого, казалось, было достаточно, чтобы сравниться со всеми ее оргазмами в этом едином приступе экстаза. Эта сперма, конечно, не могла действовать так, как задумано природой; в Красной комнате об этом позаботились. Но от этого Наташа не стала меньше наслаждаться тем, как его сперма попадает в ее лono. Она показала свою признательность за их соединение, прикусив его ухо еще сильнее, возможно, достаточно сильно, чтобы оставить след.

Поток спермы наконец прекратился, и Гарри издал стон. Они вместе задыхались, когда начали спускаться с высоты, которую никто из них никогда не испытывал, и Наташа так и осталась

стоять, зажатая им внутри себя, с закрытыми глазами и руками, обхватившими его шею. Но тут он сделал движение, внезапное и настойчивое, и оторвал ее руки от себя. Она недовольно застонала и открыла глаза.

К счастью, перед ней стояла не холодная, безжизненная кукла, которую она видела, когда с нее впервые сняли шлем. Это не был озлобленный человек, который почувствовал себя взбешенным и преданным и хотел отплатить ей за это предательство, избив ее. Это был даже не тот зверь, которого она выпустила на свободу, когда ее поцелуи превратили гнев в столь же сильную похоть, которая заставила его прижать ее к себе, сорвать одежду и выебать ей мозги.

Сейчас на нее смотрели те же глаза, которые она видела на лице того мальчика под дождем, мальчика, с которым она дружила, играла и доверяла.

Она смотрела в глаза не безэмоциональной кукле или обученному убийце, а Гарри Поттеру, своему другу.

--

Гарри почувствовал изменения в себе, когда он кончил в своего давно потерянного друга. Он почувствовал, что туман рассеялся, и впервые он был полностью в здравом уме и контролировал свое тело. Он посмотрел в лицо Наташи, лицо, о котором он так долго мечтал, и которое чудесным образом оказалось сейчас прямо перед ним. Даже в синяках, бездыханная и вся в поту, она выглядела самой прекрасной из всех, кого он когда-либо видел.

Он так много хотел сказать ей после более чем десятилетней разлуки. Он хотел сказать ей, что никогда не переставал надеяться, что увидит ее снова, и что он никогда, никогда не сможет ее ненавидеть. Он хотел сказать ей, что любит ее, и что он сделал все возможное, чтобы защитить Елену и позаботиться о ней вместо нее.

Он хотел сказать ей, что ему жаль, что он причинил ей боль, и что он был так груб с ней, но он не мог заставить себя раскаиваться в последнем. Хотя он был гораздо более агрессивен, чем если бы он был с ней естественным образом, он все еще помнил удовольствие, которое испытывал. Более того, он помнил стоны, которые ему удалось вырвать у нее, и радость в ее ярко-зеленых глазах, когда она проклинала его имя и царапала ногтями его кожу. Как бы грубо это ни было, он знал, что она наслаждалась этим почти так же, как и он. Он не мог заставить себя извиниться за это.

Он хотел сказать ей, что единственная причина, по которой он напал на нее, и единственная причина, по которой он продолжает выполнять приказы этого сукиного сына Дрейкова, - это химический контроль, под которым он находился. Было просто чудесно, что ей удалось прорваться сквозь него и подарить ему этот момент просветления. Как бы ни была сильна его сила воли, он никогда не мог освободиться от химического контроля.

Только Наташа, чувства, которые она пробудила в нем, и любовь, которую он испытывал к ней, подарили ему этот момент. Он хотел бы сказать ей об этом, рассказать о своих чувствах и

поблагодарить за то, что она была рядом с ним еще раз, когда он был одинок и потерян. Но он не мог сказать ей ничего из этого. Он знал, что у него нет времени, чтобы сказать ей все то, что он так хотел сказать. Она подарила ему мгновение свободы от влияния химикатов - но только мгновение. Даже сейчас он чувствовал, как оно снова начинает овладевать им. У него не было времени сказать ей все, что он хотел сказать, а обеспечение ее безопасности было гораздо важнее, чем выражение своих чувств.

"Посылка, за которой меня сюда послали", - быстро сказал он, все еще задыхаясь от траха, когда отпрянул от нее. "Возьми ее. Быстро. Беги отсюда. Беги и найди Елену. Ты должен идти, сейчас же".

Даже задыхаясь, он изо всех сил старался объяснить, насколько тяжела ситуация и как быстро ей нужно уходить. Похоже, ему это удалось, потому что она кивнула и поднялась на ноги, прикрываясь своей испорченной одеждой. Она ненадолго обернулась к нему, и он уже собирался крикнуть ей, чтобы она уходила, но она наклонилась и заставила его замолчать быстрым, но страстным поцелуем в губы. Гарри закрыл глаза и застонал ей в рот, целуя ее в ответ так долго, как только мог. Между совершенно другой жизнью, которой она теперь жила, и химическим контролем, который он уже чувствовал, снова овладевая им, это вполне мог быть последний шанс поцеловать Наташу. Он хотел, чтобы все было по высшему разряду.

Слишком быстро все закончилось, и ее губы больше не накрывали его губы. Но это произошло одновременно и слишком быстро, и как раз вовремя, потому что если она не отстранится в ближайшее время, они вернутся к тому, с чего начали. Она отвернулась от него, побежала за пакетом и бросилась в воду под мостом.

Гарри облегченно улыбнулся, радуясь, что она успела вовремя убежать от него, и радуясь, что он смог снова увидеть ее и сделать с ней то, о чем никогда не мечтал. Даже если у него больше никогда не будет свободных мыслей, он будет благодарен за то, что хотя бы один момент времени он провел с женщиной, которую никогда не забудет, с девушкой, которая предложила одинокому брошенному мальчику убежище от бури.

Затем улыбка мгновенно исчезла, и его лицо лишилось всяких эмоций. Наташа успела сбежать как раз вовремя, потому что Гарри не смог бы остановить себя от повторной атаки. Химикат снова овладел им, и он снова стал существом Дрейкова.

Он поправил одежду и подошел к тому месту, куда упал его шлем во время схватки. Невыразительный убийца наклонился, поднял шлем и снова надел его на лицо.

Миссия провалена.